

В 1921 году в Богородицком уезде Тульской губернии вспыхнуло крестьянское восстание. Оно тут же перекинулось на другие соседние уезды. Его породила неумелая политика власти по проведению в стране продразверстки, когда продотрядовцы дочиста выгребали закрома в крестьянских дворах, уводили скотину, даже забирали последние крохи с их столов, обрекая крестьян и их детей на голодную и мучительную смерть. В свое время в Государственном архиве Тульской области я исследовал дело по обвинению участников того восстания, и мне хотелось бы поделиться этими своими изысканиями, чтобы еще раз напомнить, к чему может привести неумная политика находящихся у власти людей. Восстание, конечно, подавили, но бед и несчастий, несмотря на его непродолжительность, оно принесло немало. 5 октября 1920 года по окончании расследования этого дела следственной комиссией было вынесено заключение. С него бы мне и хотелось начать этот свой небольшой рассказ.

«Заключение по факту восстания крестьян в марте месяце 1920 года в Огаревской, Луговской, Исленьевской, Казанской, Плесинской, Никитской, Кузовской, Непрядвинской, Черняевской, Воловской, Любимовской и Верхнеуепской волостей Богородицкого уезда; Дубровской, Алексеевской и Раевской волостей Чернского уезда и Нарышкинской, Ржавской и Сергиевской волостей Крапивенского уезда Тульской губернии.

Восстание началось в селе Исленьево Огаревской волости Богородицкого уезда (ныне территория Воловского района Тульской области. Г. М.) в 8 часов вечера 29 февраля собранием, от которого были высланы гонцы в другие селения волости с призывом к соединению. Часов в 11 вечера присутствовавшая на собрании толпа, разбившись на 2-е группы, двинулась в село Огарево: первая через д. Воропаевку, вторая через д. Соколье, захватывая с собой граждан попутных селений. Первым шагом восставших ознаменованием их дела было зверское убийство в ночь на 1-е марта в с. Огареве продработников коммунистов т.т. Панкова, Кузнецова и Санкина. Напрасными были их попытки избавиться от жестокой расправы: от разъяренной толпы, собравшейся в ту ночь почти изо всей волости и жаждавшей крови, нельзя было скрыться. Тотчас же были посланы гонцы в соседние волости и уезды с просьбами о помощи и присоединении. Выросшая за ночь до трех тысяч человек толпа утром 1-го марта направилась на станцию Волово и заняла ее, но почти тотчас же, впрочем, вер-

нулась обратно в с. Огарево. К 12 часам дня прибыли представители соседних волостей и уездов, и в их присутствии под председательством одного из инициаторов и главарей восстания открылось собрание почти всех волостей, которые избрали боевой штаб, преимущественно белых офицеров, вручив ему всю полноту власти. В это же время началась раздача оружия. Деревни Соколье, Воропаевка, Заполье и Исленьево с одной стороны и д. Андриановка с другой, получили от председательствующего собрания приказ: немедленно выехать: 1. На ст. Волово с целью овладения имеющимся там оружием; 2. На ст. Огарево с целью приостановления железнодорожного движения путем разбора железнодорожной линии и порчи телефонно-телеграфных проводов. И 12-и тысячная толпа вполне организованно начала наступление на станции Волово, заняла железнодорожное полотно, разобрав часть линии и порвав телефонно-телеграфные провода. В это время коммунисты соединились с железнодорожным батальоном и под прикрытием шести пулеметов контратакой выбили и рассеяли пулеметным огнем толпу. В скором времени показалась вторая, несколько запоздавшая толпа численностью до восьми тысяч человек из граждан Любимовской, Луговской, Солодиловской волостей Богородицкого уезда и Казанской — Крапивенского, которая точно так же была рассеяна пулеметным огнем, даже не успев подойти к станции. Тем временем посланные в другие волости гонцы призывали крестьян к соединению, и восстание вскоре охватило пожаром 18 волостей.

В Луговской волости Богородицкого уезда 1-го марта на мельнице в селе Лебяжье происходило тайное собрание с представителями от Огаревской волости, на котором был избран «Комитет спасения родины», в составе трех человек. Функции этого комитета сводились главным образом к посылке депеш в другие деревни с призывами к соединению и просьбами о помощи. Гонцы из Луговской волости разъезжали по деревням, били в набат и выгоняли народ на собрания, на которых говорили, что все волости восстали против отбора скота и другого продовольствия, и вы должны идти на площадь. Как одну из активных волостей, быстро присоединившуюся к восстанию, можно указать на Нарышкинскую волость Крапивенского уезда, где был избран Контрревком, убиты продработники т.т. Авдеев, Николаев и Македонский. И трупы их, как и вообще во всех остальных волостях, истерзаны и обезображены озверевшей толпой. Эта волость участвовала в наступлении на станции Теплое и Огарево, а также разъезжала по другим волостям, как например, Плесинской и Царевской».

Из Царевской волости восставшие направились дальше, в сторону села Ржаво...

...Несмотря на первый весенний день 1920 года, на дворе было морозно. Взошедшее солнце было каким-то необычным, красно-багряным, словно предвещало надвигающуюся беду. А в доме крестьян Кузнецовых в селе Ржаво было уютно и тепло от протопленной печи. Пришедший к Кузнецовым накануне вечером и заночевавший в их доме инструктор волостного комитета партии Дворовянский проснулся рано. Потянувшись до хруста костей, он поднялся с кровати и вышел из чулана в горницу, у печи хлопотала хозяйка дома Марфа Павловна. Умывшись, он взял висевшее у рукомойника полотенце и стал вытирать им лицо.

— И куда же в такую рань молодежь собралась? — спросил он у девятнадцатилетнего Петра, увидев, что тот надевает овчинный тулуп.

— Скотину кормить, — нехотя буркнул тот в ответ.

— Да, скотину кормить нужно, — кивнул головой инструктор. — А почему бы тебе, Петька, не прийти к нам на собрание? Посмотрел бы, какой живой и интересной жизнью живут твои ровесники! Послушал бы агитаторов, а там, глядишь, и сам попробовал бы свои силы в агитбригаде. Ну как, согласен? — спросил он.

Петька промолчал. Приняв молчание за согласие, инструктор улыбнулся.

— Ну вот и прекрасно! Сегодня же приходи в клуб, будем тебя ждать.

В это время в избу буквально вбежал хозяин дома Михей Федорович.

— Товарищ инструктор — беда! — крикнул он с порога, едва отдышавшись. — Нынче ночью люди поднялись, бунты по всем деревням идут, вот и до нас добрались. Поговаривают, в Нарышкино продотрядовцев убили. Бежать тебе надобно.

— Откуда тебе это известно? — спросил у Михея инструктор.

— Дык вон они на краю деревни, сам их видал. Не наши и все с ружьями, по избам ходють, людей к восстанию созывают. Сказывают, — Михей понизил голос и, косясь на сына и жену, произнес: сказывают, что нету боле советской власти. Бежать тебе надобно, — вновь повторил Михей.

— Свят, свят, свят! — запричитала было Марфа, но Михей оборвал ее.

— Цыть, баба! Тута твоими молитвами не совладать! Тута по-иному надоть!

Дворовянский метнулся к окну, и, сдвинув шторку, стал всматриваться.

— Петька, ну-ка живо скидывай с себя овчину, а ты, Митрий, надевай ее; можа не узнают тебя, и вырвешься из села-то, — додумался Михей.

Спустя четверть часа, после того, как инструктор Дмитрий Дворовянский покинул дом Кузнецовых, к ним ворвались трое незнакомых людей с винтовками наперевес.

— Ну, дед, сказывай, где инструктора из волости прячешь?! — спросил один из них.

— Сказывай, говорят тебе, а не то пулю в лоб схлопочешь! — грозно глядя на Михея, потребовал другой.

Стоящий у окна Петька побелел, Марфа заголосила.

— Дык, ушел он, — ответил Михей, переводя взгляд с незнакомцев на жену и сына. — С вечера заночевал у нас, а ныне поутру ушел в Спасское.

— Стало быть, советов у себя пригреваешь? — зло зашевелил усами третий непрошенный гость.

— Дык, как же не пустить на ночлег измученного путника, мил человек? Не по-христиански это, — ответил Михей...

Так, или примерно так начиналось крестьянское выступление в Ржавской волости Крапивенского уезда. Однако давайте вновь обратимся к некоторым документам дела, хранящегося в Государственном архиве Тульской области.

Из протокола допроса Кузнецова Петра Михеевича: «Затем эти трое вооруженных людей велели мне запрягать лошадь и везти их в Сорочинку. В Сорочинке они громко кричали, созывая народ на бунт. Там уже стояло несколько подвод, на которых мы повезли вооруженных ружьями людей на бунт в Спасское. Мне тоже дали винтовку. В Спасском было несколько инструкторов, которые увидев нас, бросились бежать. По ним был открыт огонь, но я не стрелял. Убили кого или нет, я не знаю. Воспользовавшись моментом, я бросил винтовку, оставил лошадь с санями и сбежал из Спасского домой».

Из протокола допроса заведующего Лазаревской почтой Фомина: «В ночь на 2 марта сторожиха Адамчук услышала стук в дверь. Она спросила: кто стучит? Снаружи послышалось сразу несколько голосов: отвори, нам нужен начальник почты. Сторожиха разбудила меня. Я подошел к двери и понял, что на улице находится большое количество людей. Я ответил, что время позднее, и я дверь не открою. Тогда они начали ломать дверь, бить стекла, после чего я открыл дверь. Вошли около тридцати человек и потребовали у меня револьвер и патроны к нему. Я ответил, что револьвер мне выдан по закону и на сей счет имеется мандат. Вошедшие наставили на меня штык и револьвер, после чего я был вынужден отдать им револьвер с патронами. Они перерыли все ящики письменного стола, и пошли на выход. Затем сели в повозки и поехали по направлению к Спасской волости. Заведующий Лазаревским отделением почты и телеграфа Фомин».

Вот такое крестьянское восстание, которое трудно назвать случайным, началось в Тульской губернии весной 1920 года. Тем временем в Туле предпринимались все

попытки по наведению порядка. На подавление восстания были брошены лучшие красноармейские части, под общим командованием Кауля.

Александр Иосифович Кауль в то время руководил губернской ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Из материалов дела: «Разговор по телеграфу. Разговор первый — 2 марта, 1 час дня. "Епифань, кто у аппарата? У аппарата Мариолин. Понял, здесь тов. Кауль. Я передал вам быть наготове. Прошу вас все сведения о выступлении и борьбе с ними немедленно сообщать губчека Каптельцеву. Тчк. Белев, кто у аппарата? У аппарата Мухин. Здесь тов. Кауль. Вызывать из Белева отряд в Теплое и Огарево не нужно, там все спокойно. А нам нужно начать действовать в Крапивенском уезде. Тчк. Передайте распоряжение немедленно о выдвигении указанного вами отряда с пулеметами. Тчк."»

Разговор второй, — час ночи. "Тула, у аппарата Каминский (Григорий Наумович Каминский — Председатель исполнительного комитета Тульского губернского Совета и некоторое время одновременно председатель губернского комитета партии. Г. М.). Немедленно проводите операцию по ликвидации восстания. Тчк. Сообщаю: политбюро губкома просит озаботиться внимательной организацией самого штаба по ликвидации восстания, правильной подготовки организации связи с отрядами для регулярной подачи сводок. Тчк. Я — Кауль. Прибыл в Жданку (название железнодорожной станции в г. Богородицке. Г. М.) Информация в Богородицке убедила меня лично выехать в Волово, чтобы выяснить положение на месте о захвате восставшими склада с оружием. Из центра направляется большой отряд красноармейцев-интернационалистов, бронепоезд и бронеплатформа с пушкой. Тчк."»

Из материалов дела: «На станции Огарево собралась толпа до трех тысяч человек. Разобрала часть железнодорожной линии и обезоружила милицию. Вечером к станции подошел бронепоезд. Его встретили рассыпавшиеся в цепь около 16 тысяч повстанцев из граждан Огаревской, Плесинской и других волостей. Выслав двух парламентаров, они предложили бронепоезду сдаться, однако последний открыл пулеметный огонь, которым выступающие были рассеяны и разбежались в панике по домам».

Вот такие немалые силы были задействованы на подавление крестьянского восстания. Уже к 5 марта восстание было подавлено, но его тлеющие огоньки в различных уездах еще несколько дней продолжали будоражить власть. Полностью восстание прекратилось только в середине марта.

После окончания следствия перед судом предстали 702 человека, из них 98 судом были оправданы, а 604 человека были приговорены к различным срокам наказания.

И в завершении еще один небольшой штрих. Крестьянин села Ржаво Кузнецов Петр Михеевич за участие в крестьянском восстании был осужден к трем годам концентрационных лагерей. Свой срок отбыл, как говорится, от звонка до звонка и вернулся домой. Вскоре женился и зажил мирной жизнью.

